

ВЕРА ФРАНЧУК

**НЕИЗВЕСТНЫЙ «ОТВЕТ» А. А. ПОТЕБНИ
РЕЦЕНЗЕНТУ ЕГО ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
КАК ПРИМЕР НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ В РОССИИ
XIX ВЕКА**

Обращение А.А. Потебни к теме, связанной с изучением мифологической природы славянских обрядов и поверий, не случайно. В середине XIX в. мифология оказалась в центре внимания многих зарубежных и российских ученых. В Германии появилась мифологическая теория братьев Гримм, в России – Ф.И. Буслаева. Они нашли последователей в лице А.Н. Афанасьева, А.А. Котляревского, отчасти О.М. Бодянского. Наибольший интерес вызывают вопросы о сущности мифа, его корнях, исторической судьбе.

Труд А.А. Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий»¹, а также многие другие, созданные в это время, несмотря на неоднозначное отношение к ним критики, стали заметным явлением в научной литературе по вопросам фольклора и этнографии². Этот труд молодого ученого засвидетельствовал его самостоятельность как во взглядах на мифологию, так и в методах исследования. Каждая из трех его частей представляет оригинальное исследование, которое содержит богатый этнографический материал, этимологию, дает толкование символического употребления слов.

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских (Далее: ЧОИДР). – М., 1865. – Кн. 2. – С. 1 – 84; Кн. 3. – С. 85 – 232; Кн. 4. – С. 233 – 310.

² О связи некоторых представлений в языке // Филологические записки. – 1864. – Вып. 3. – С. 137 – 168; О доле и сродных с нею существах // Древности: Тр.Моск.археол.об-ва. – 1867. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 153 – 196; О купальских огнях и сродных с ними представлениях // Древности: Археол. вест., изд. Моск. археол. об-вом. – 1867. – Вып. 3. – С. 97 – 106; вып. 4. – С. 145 – 153; Переправа через воду как представление брака // Там же. — Вып. 6. – С. 254 – 266.

Особый интерес в этой работе представляет первая часть – «Рождественские обряды». Автор, проявив большую осведомленность и любовное отношение к народным обрядам, приложил большой труд, чтобы показать, как своеобразно отразились в них жизнь народа, удивительный мир его духа, творческая сила воображения. Вторая часть, посвященная обрядам и верованиям, в которых представлена Баба-Яга, ценна большим количеством и разнообразием собранного материала. Здесь же рассмотрены основные мотивы сказок о злой мачехе. Однако некоторые положения и материалы этой главы, как заметила критика, не отличаются точностью и глубиной. «Погрешности в мифическом толковании обрядов и поверий, – пишет Н.Ф. Сумцов, – не роняют статью в научном отношении. Дело в том, что подстановки неба, тучи, зимы, висящие в воздухе, легко отделимы от богатого пущенного в ход этнографического материала, и всякий беспристрастный и добросовестный этнограф найдет в статье Потевни о Яге ценное и полезное пособие по многим отделам фольклора. Основные положения о мифическом значении Яги верны, по крайней мере, до настоящего времени нимало не поколеблены»³.

Третий раздел посвящен анализу поверий о волке и ведьме. Интересна здесь не столько интерпретация, подчас искусственная и не вполне научная, сколько подбор и обработка этнографического материала.

Между тем, рассматриваемая работа, представленная на соискание ученой степени доктора славяно-русской филологии, вызвала отрицательный отзыв П.А. Лавровского, известного исследователя и учителя А.А. Потевни. Опубликованная в том же издании, что и труд Потевни, рецензия П.А. Лавровского⁴ не осталась незамеченной. Именно на ее основе Совет историко-филологического факультета Харьковского университета отклонил диссертацию А.А. Потевни.

П.А. Лавровский, известный специалист в области славяноведения, и в частности славянской мифологии, был предельно аккуратным в своих научных выводах. Его предположения всегда опирались на большое количество документальных данных. В отзыве рецензент признал эрудицию Потевни в исследуемом вопросе, его осве-

³ Сумцов Н.Ф. Современная малорусская этнография // Киевская Старина. – 1892 – Т. 36. – С. 221.

⁴ Лавровский П. А. Разбор исследования А.А. Потевни «О мифическом значении некоторых поверий и обрядов» // ЧОИДР – М., 1866. – Кн. 2. – С. 1 – 102. В названии труда Потевни Лавровский поменял местами слова *обряды* и *поверия*.

домленность о научных достижениях иностранных ученых. Неудовольствие П.А. Лавровского в основном вызвали приемы исследователя, недостаточно критическое отношение к фактам. По мнению рецензента, Потебня полностью пренебрег историческим методом, а в применении сравнительно-филологического метода не был достаточно осторожным. Отдельные замечания рецензента посвящены чисто филологическим вопросам – рассмотрению происхождения слов *бондарь*, *ядро*, *борошно*, *Яга*, *жук*, *жужелица* и др. Потебня, считает Лавровский, «не совсем позволительно минует старославянское наречие», «сам отрезал для себя путь для разыскания истины», проявив преувеличенную «субъективность», «холодное невнимание к истории», «насильственные натяжки», «произвольные заключения», «единственно на фантазии схваченные сближения»⁵.

Интересны до сих пор суждения Лавровского о рождественских обычаях, значении понятий *хлеб*, *каша*, *свинья*, о сказках про Бабу-Ягу, о поверьях про ведьм, упырей, оборотней. Подчеркивая преувеличения в авторском анализе, рецензент переводит толкования некоторых фактов с мифической плоскости на бытовую.

В целом, он одобряет материал, собранный в работе, и выступает лишь против сделанных выводов. «Окончанием своего произведения, – пишет он, – Потебня заготовил материал для критической его обработки»⁶. Лавровский также признал за Потебней «усидчивую положительность и добросовестность труда, не отрицая и пользы его для науки, по крайней мере со стороны подбора фактов славянского материала и сближения его с фактами других родственных народов»⁷. Однако «рецензии Лавровского, – отмечал Н.Ф. Сумцов, – при всей ее основательности и деловитости, вредит злобность, язвительность, что-то враждебное, по-видимому, личное, временами даже насмешка...»⁸. Ср., например, следующий фрагмент рецензии Лавровского: «Ближайшей целью г. Потебни, как очевидно, было воссоздать славянскую мифологию на основании нынешних ее остатков в различных суевериях и обрядах, сохранившихся в народной славянской литературе, преимущественно в сказках и частью в песнях народов славянских. К этому присоединены и обычаи в некоторые праздники, до сих пор носящие на себе отпечаток языческой

5 Там же. – С. 28.

6 Там же.

7 Там же.

8 Сумцов М.Ф. Велетень думки й слова. – Харків, 1922. – С. 6.

старины. В этом отношении служили ему примером и руководством, главнейшим образом, немецкие сочинения Маннгардта и Вольфа. Не можем ручаться, уяснил ли себе г. Потебня все существенное различие в положении своем и упомянутых ученых; а это различие весьма важно и уже а priori характеризует не совсем нормальное положение г. Потебни, если хотя на минуту усомниться в возможности одному человеку заменить десятки исследователей по науке новой и обширной, и двумя годами восполнить десятки лет на пути, где только кое-где проложена колея, и то едва, едва заметная»⁹.

Следует также учесть, что в архиве Н.Ф. Сумцова хранится письмо ровесника Потебни, учителя и журналиста М.Ф. Лободовского, который общался с ним в 60-е годы. Лободовский прямо пишет, что неодобрительное отношение братьев Лавровских к Потебне в это время объясняется тем, что молодой филолог принимал участие в сходках национально настроенной молодежи¹⁰. Личной неприязнью Лавровского склонен объяснять эту историю и И.Я. Айзеншток. Он подметил, например, что в постановлении историко-филологического факультета, по которому диссертация Потебни была отклонена, повторяются формулировки из «Разбора» Лавровского и даже высказывается полное согласие с этим «Разбором»¹¹.

Отзыв Лавровского и решение факультета были для А.А. Потебни сильным ударом. 15 апреля 1866 г. он писал в Прагу своему близкому знакомому Адольфу Патере: «Сочинения, представленного мною на степень доктора уже после того, как я разошелся с Лавровским, он не одобрил. Я уверен, что он это сделал не потому, что оно плохо, а потому, что я ему не нравлюсь»¹².

Время, которое прошло, дает возможность объективно рассмотреть далекие от наших дней события. Современный исследователь О.П. Пресняков считает, что дело было не только в изменении личного отношения Лавровского к прежнему ученику. Вопрос значительно сложнее. Раскритикованный труд Потебни, пишет он, «свидетельствует о смелости и широте молодого ученого, о его патриотических идеалах и демократических убеждениях. Строя свое

⁹ Лавровский П.А. Там же. – С. 7.

¹⁰ Центральный Государственный Исторический Архив Украины в Киеве (Далее: ЦГИАУ). – Ф. 2052.– Д. 689. – Л. 1.

¹¹ Айзеншток И.Я. 3 листування О.О. Потебні // Україна. – 1927. – № 1/2. – С. 169.

¹² Цит. по: Лешка О. Материалы для биографии А.А. Потебни // Slavia. – 1976. – Росп. 45. – Ses. 1– S.50.

исследование на материалах народных сказов, преданий, песен и поговорок, Потебня показал, что почти все христианские праздники и обряды у славян представляют собой трансформацию древних языческих обрядов с богатой мифологической основой»¹³. Пресняков подтверждает свое предположение цитатой труда Потебни на странице 15: «Языческий праздник, совпавший и слившийся с рождеством и близкими к нему христианскими праздниками, был посвящен, между прочим, божеству огня-грома, подателю плодородия полей, богатства, покровителю брака, имевшему, вероятно, отношение к смерти. Это божество могло называться Перуном, но могло носить и другое имя – Сварога, который в известном месте Ипатьевского списка Несторовой летописи заменяет кузнеца Гефеста, устанавливающего закон «женам за един муж посягати» и называется отцом Даждьбога-Солнца».

Смелость и широта мысли молодого ученого, как предполагает современный исследователь, были неприемлемы для сторонников традиционного нагромождения фактов и их постепенного осмысления, к которым принадлежал и Лавровский. Не случайно, критикуя труд Потебни, он упрекает его за стремление заменить десятки исследований и за два года сделать то, что иные делают десятки лет.

Интересный документ эпохи сохранился в архиве И.И. Срезневского. Он свидетельствует о том, что выступление против ученика было нелегким для его учителя и что были люди, которые поддерживали запальчивого Лавровского, а возможно, и подталкивали его на этот шаг. В связи с важностью и неразработанностью вопроса приводим ниже фрагмент из письма Лавровского к Срезневскому: «Слово суд невольно вырвалось из-под пера, потому что в течение уже нескольких дней по поручению факультета занимаюсь страшным судом над мифологическим сочинением Потебни ... Поистине страшный суд, но не для подсудимого, а больше для меня самого. Что делать мне, что и как сказать и чем повершить? Голова кругом ходит от этой мысли, а посоветоваться не с кем, потому что каждый отказывается определять сам и решается положиться на меня; но в то же время опутывают меня общим заключением, что направление, способ приемов в данной диссертации убийственные. А я? Бедный человек! Сознание, отчетливое убеждение, масса неопровержимых фактических доказательств говорят мне, что труд г. Потебни поло-

¹³ Пресняков О.П. А.А.Потебня и русское литературоведение конца XIX – начала XX века. – Саратов, 1978. – С. 21.

жительных достоинств не имеет почти вовсе, ни полвывода из обьемистого его сочинения нельзя принять в науку, что в свою очередь сторона отрицательная отзывается несомненным вредом, вследствие непозволительно произвольного, доходящего до своеволия, обращения с истинной наукой, вместо которой господствуют у него голые догадки или порывы воображения. Но как решить? Ведь вся ответственность падает на меня. Признать удовлетворительность диссертации, значит стеснить свою совесть и подвергнуться возможным нареканиям от понимающих дело, нет – навлечь на себя неприязнь, упреки, вражду. А посоветоваться все-таки не с кем. Во всяком случае, подготовлю подробный разбор и, если напечатать можно его, то отдам напечатать, чтобы не быть голословным. Да, думаю, следует напечатать и для того, чтобы показать, до каких странностей может прийти ложно понятое направление в науке»¹⁴.

Итоги дискуссии учителя и ученика как бы подвел патриарх отечественного славяноведения И.И. Срезневский, который высказался так: «Читая эти произведения [А.А. Потебни], нельзя не удивляться начитанности исследователя и уменью пользоваться знанием многих языков и произведений народной поэзии и мифологии многих народов, а вместе с тем и его широкой сообразительности в приискании соотношений между представлениями и в сравнении годных для него данных, замеченных им в самых разнообразных источниках. Немудрено, что само обилие запасов его памяти и легкость ими пользоваться давали ему силу увлекаться и что эта сила увлечения должна была нередко побеждать в нем сдержанность его ума, готового столько же подчиняться несомненным доказательствам, сколько и сомневаться во всем, что не объясняется такими доказательствами. Увлечение заставляло приходиться к выводам, показавшимся другим слишком смелыми или неверными, хотя и к таким же, какие были защищаемы исследователями, достойными полного уважения, и между прочим такими даровитыми, как Яков Grimm и Буслаев. Самые увлечения таких людей важны для успехов науки, для выработки приемов работы и приемов критики, для оценивания важности данных, нужных для выводов, и выводов из них. Рассматривая с этой стороны труды г. Потебни, нельзя не быть признательным к нему за них, так же как, например, и г. Лавровскому за строгий разбор части их (см. его «Разбор исследования «О мифическом значении некото-

¹⁴ Российский Государственный Архив литературы и искусства. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 147 – 147 об.

рых поверий и обрядов...»). Только время и последующие исследования многих деятелей могут показать, что именно из соображений г. Потебни должно считаться достоянием науки. Теперь же можно остаться только при уверенности, что он потрудился не совершенно напрасно – не только над объяснением значений некоторых слов в мысли и жизни народа, но и над некоторыми явлениями поэзии, мифологии и обрядности народной, что принес пользу по крайней мере подборами разнообразных сближений и сравнений»¹⁵.

Эта вполне объективная характеристика сыграла важную роль при избрании А.А. Потебни в 1875 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Рукопись ответа А.А. Потебни на рецензию П.А. Лавровского сохранилась в архиве ученого¹⁶. Первая страница утрачена; таким образом, само название «Ответ» условно. Тем не менее «Ответ» представляет интерес для истории науки и культуры. Не лишен он интереса и с точки зрения научной этики. Сам ученый понял в конце концов неприемлемость публикации текста, написанного под влиянием первого впечатления от критических замечаний учителя. Однако, кроме резких высказываний по адресу Лавровского, есть в «Ответе» Потебни важные в научном отношении размышления, которые не утратили актуальности и в наши дни. Ниже приводим фрагмент, в котором Потебня рассматривает следующее положение Лавровского, высказанное на стр. 6 его «Разбора»: общие основные мифы могут быть добыты не иначе, как постепенным обобщением частных фактов, «возведением современных перепутанных, по возможности, к древнейшему и простейшему виду».

«Следовательно, – замечает Потебня, – когда будет закончено уяснение общих основных мифов, то это будет сделано не все, и это уяснение никоим образом не будет предварительным. Что ж нам больше останется делать, когда вся современная перепутанность будет, по возможности, возведена к древнейшему и чистейшему виду?»

Всех общих мифов не уясним, если не разберем всей «современной перепутанности»; если же разберем только часть этой перепутанности, добудем только часть общих основных мифов. Тогда нужно будет продолжать разбор частных до конца, если он есть

¹⁵ *Срезневский И.И.* Записка о трудах профессора А.А. Потебни // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. – 1878. – Т. 18. – С. XC–XCI.

¹⁶ ЦГИАУ. – Ф. 2045. – Оп. 1. – Л. 2. – 43.

в чем-то, подлежащем исследованию. В чем же состоит рекомендуемая нам предварительность? Если она в том, чтобы добывать общие основные мифы, не касаясь «современной перепутанности», то это будет противоречить словам рецензента, что «предварительное уяснение неразлучно с возведением современной перепутанности и проч.». Одно из двух: рецензент должен отказаться или от мысли о необходимости предварительного уяснения мифов, или от нерозлучности такого уяснения с возведением современной науки и т.д. В последнем случае «предварительное уяснение» будет априорное суждение о мифах, более разработанных или более удобных для разработки? Собрать древнейшие свидетельства, относящиеся до мифологии, например, славянской, – весьма важно; но, во-первых, чем советовать другим и укорять их за то, что они этого не сделали, пусть сам рецензент попробует это сделать; во-вторых, будет ли еще это свидетельство мифом, а тем паче основным? Может быть, это будут только сухие указания, необъяснимые имена, и тогда, начавши с них исследование, мы так и останемся при одном имени, как остались при имени Мокоши. При богатстве мифологических материалов, сохраненных в памяти народной, с одной стороны, и при крайней бедности письменных материалов, с другой, следует большего ожидать от пользования первыми, чем вторыми, тем более, что первые сохранились несравненно лучше и, несмотря на язык, несравненно древнее, чем вторые. См.: Wolf.

Рецензент называет устную словесность (сказки, песни) шатким и ненадежным материалом. Называет ли он так и язык, в котором даже такие, по-видимому, изменчивые явления, как ударения, могут оставаться неизменными в течение многих и многих столетий?

Рецензент спрашивает, на что же обопрется автор, который, подобно мне, задумал создать систему мифологии из позднейших остатков славянского язычества, каковы сказания? (Лавровский. Разбор, с. 8).

Прежде всего, я задумал не создать систему мифологии, а разъяснить, по мере сил, некоторые мифологические вопросы. Потом: на что же обопрется исследователь наречия, имеющего лишь весьма новые письменные памятники?

Он начнет с обработки современного ему материала. Внутри этого самого наречия он найдет данные для сосредоточения разрозненных явлений и возведения их к более древнему виду. Как далеко в древность пойдут эти исследования, этого заранее определить нельзя, но несомненно, что они могут быть очень полезны. Мне укажут на то значение, которое имеет старославянский язык в славянском языкоз-

нании или санскрит и язык Вед в индоевропейском; но я никогда не думал это отрицать, а говорил только, что полагаю, и в таких случаях необходимо начинать обработку вопроса не с дальнего, а ближайшего к нам конца. До сих пор за неимением средних ступеней считалось вполне законным переходить от известия, сохранившегося в устах народа, прямо к очень древним данным, например, германской мифологии, свидетельствуемое сочинениями г. Буслаева.

Рецензент, по доброте своей, сомневается, сознаю ли я разницу между своим положением и положением немецкого исследователя (Лавровский. Разбор, с. 17).

В основании зооморфизма лежит научная истина своего времени. Обративши внимание на то, что, по мнению современных путешественников, расстояние между цивилизованным человеком и дикарем больше, чем кажется биологам, чем между дикарем и животным, мы поймем, как мог этот дикарь представлять животных существами, совершенно равными себе. Мало того, он должен был ставить их выше себя, если представлял себе силы природы живыми, власть коих тяготела над ним. Человек вступает в историю с очень скромным мнением о себе и не может иметь иного, потому что на той стадии, на которой он находится, животные действительно имеют перед ним многие преимущества. Но тем самым, что такое мнение могло быть составлено, что оно справедливо, доказывается высокое назначение человека.

«Обряды суть большею частью подражания (а=а) действиям, кои представляли явления природы».

Язык не имеет в себе ничего специально мифологического; один он служит сознанию, что бы ни было его предметом. Мифология как система представлений явлений природы действиями живых существ условлена вовсе не языком, а недостаточным сравнительно с современностью количеством данных. Поэтому мифология никоим образом не может считаться болезнью языка».

Не менее важны мысли, высказанные Потемней по поводу следующего замечания Лавровского:

«На странице 17 «Разбора» рецензент рекомендует сделанные мною на страницах 42–43 сближения как образец моей филологической бесцеремонности.

Не мешало бы людям, столь щедрым на укоры другим, помнить, что наука не книга, на страницу которой можно сослаться; что ссылаясь на научность или ненаучность известного положения, сплошь да рядом человек высказывает только личные мнения, окружая их

поддельным ореолом научности. С этими ссылками на науку та же история, что со ссылками на дух времени...

На замечания г. Лавровского могу ответить следующее:

1. Кроме звуковых изменений, служащих характеристикой различных периодов или же различных наречий (в широком смысле) языка, известно еще явление, называемое видоизменением корня (Wurzelvariation; см. о нем: Pott, Bd. 2, S. 272 и след.). Такие видоизменения встречаются уже в древнейших языках. Но отношения по значению отличаются от звуковых замен, происшедших механическим путем, своею знаменательностью (разница не постоянная) от знака отдельных усилий и наращений, а не тем, что эти последние служат, по крайней мере, преимущественно формальным целям языка, а видоизменения корня выражают оттенки содержания слова. В звуковом отношении виды корня отличаются от звуковых замен тем, что последние основаны на более обширных аналогиях, чем первые, и что из двух варьаций корня ни одна не может быть обыкновенным путем звуковой замены...

2. Предварительно я должен сказать, что если б объяснение значения слов состояло только в приведении в хронологический порядок значений только известных, то это дело было бы легко и сопровождалось бы лишь сравнительно незначительными ошибками. Но на деле не так. Например, каждый из объяснявших слово *милъ* предполагал в нем значения, которых нет в современных или известных по памятникам славянских языках, как это видно из ниже следующего. Но упрекать за предположения и догадки позволительно только тому, кто сам никогда не брался за этимологические объяснения. Где, как в этимологии, истина добывается столкновением предположений, основанных на аналогии, там всякая догадка закона до тех пор, пока она не опровергнута другою, более вероятною».